

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2002 г.

Dictys Cretensis

ΕΡΗΜΕΡΙΣ ΒΕΛΛΙ ΤΡΟΙΑΝΙ

Диктис Критский

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии

В.Н. Ярхо*

Книга четвертая

1. После того как троянцам стало ясно, что царь возвращается невредимым, исполнив дело, и со всей свитой, они в восхищении возносят до самого неба хвалу благочестию греков, поскольку никто не надеялся на то, что царь добьется выдачи тела, а не будет со свитой задержан греками, помнящими, конечно, что Елена не была выдана. При виде тела Гектора сбежались все граждане, союзники и подняли плач, вырывая волосы и раздирая щеки, и не было ни одного, кто понадеялся бы на собственную доблесть или веру в лучшее, если погиб Гектор, отмеченный на войне подвигами, а в мирное время – благочестием, благодаря которому снискал себе не меньшую славу, чем остальными качествами. Между тем похоронили его недалеко от могилы Ила, бывшего некогда царем. Затем, подняв величайший вопль, воздают покойному последнюю почесть: с одной стороны, его оплакивают женщины с Гекубой, с другой – громко отзываются троянские мужи и племена союзников. В период установленной троянцами десятидневной передышки от военных действий с утра до вечера длилось исполнение траурного обряда.

2. Между тем, в те же самые дни явилась упоминавшаяся ранее Пенфесилея с большим отрядом амазонок и другими людьми из соседних земель. Узнав, что Гектор убит, она, потрясенная его смертью, хочет вернуться домой, но Александр, в конце концов, приманивает ее золотом и серебром, и она остается. Затем, по прошествии нескольких дней, она выстраивает свое войско и затевает битву отдельно от троянцев, полагаясь исключительно на своих воинов: выставив на правом фланге лучников, на противоположном – пехоту, в середине помещает конницу. Наши устремляются навстречу таким образом, что лучникам противостоят

---

* Окончание. Начало см. ВДИ. 2002. № 1. С. 239–251; № 2. С. 246–260; № 3. С. 243–250.

Менелай, Улисс и Мерин с Тевкром, пехоте – оба Аякса, Диомед, Агамемнон, Тлеподем и Аскалаф с Иалменом, с конницей сражаются Ахилл и другие вожди. Выстроенные так с обеих сторон войска скрестили оружие, и многие погибают от стрел царицы, но не меньше и от Тевкра. Между тем, Аяксы и те, кто рядом с ними, сражаются противостоящих пеших, а оставшихся теснят щитами и, отогнав, убивают, и так до тех пор, пока не уничтожили всю пехоту.

3. Ахилл, настигнув Пенфесилею среди конных турм¹, достает ее копьем и без труда, как всякую женщину, сваливает с лошади, ухватив рукой за волосы и стащив, уже тяжелораненную. Увидев это, ее воины, потеряв всякую надежду на свое вооружение, обращаются в бегство. Так как городские ворота были заперты, наши, настигнув спасшихся из сражения бегством, убивают, отвращая, однако, руки от женщин и щадя их пол². Затем все, как победители, перебившие противника, возвращаются, видят полуживую Пенфесилею и даже теперь дивятся ее отваге. Вскоре все сходятся и решают, поскольку она превысила законы природы и пола, бросить ее в реку, пока еще дышит, или на растерзание псам. Ахилл хочет ее похоронить, Диомед же ему препятствует. Опросив стоящих вокруг, как с ней поступить, он с общего согласия тащит ее за ноги и бросает в Скамандр, – разумеется, в качестве наказания за последнее проявление отчаянья и безумия. Так царица амазонок, потеряв войско, с которым пришла на подмогу Приаму, в конце концов сама представляла зрелище, достойное ее нрава³.

4. А на следующий день явился Мемнон, сын Тифона и Авроры, с огромным войском индусов и эфиопов; его сопровождала громкая слава, так как, собрав воедино много тысяч народу различного происхождения, он надеждой и уверенностью в себе превосходил даже Приама. Все пространство вокруг Трои и далее, которое охватывал взор, было заполнено людьми, конями и сверкало блеском украшений. Мемнон привел всех их в Трою с отрогов горы Кавказ⁴, а остальных, числом не меньше, отправил морем, поставив над ними командиром Фала. Когда их прибило к Родосу и они увидели, что этот остров является союзным грекам, то, хоть и опасались, как бы родосцы, узнав, в чем дело, не подожгли корабли, все же там остались. Вскоре они разделились между богатыми городами Камиром и Иалисом. Немного позже родосцы стали обвинять Фала, что он хочет оказать помощь Александру, который незадолго до этого⁵ разорил его родину Сидон и тем самым нанес ему оскорбление. Чтобы сильнее взволновать воинов, родосцы утверждают, что им напоминают варваров те, кто оправдывает столь недостойный поступок. Кроме того, говорят много всякого, чтобы распалить народ и расположить его в свою пользу. Усилия эти оказались не напрасными. А именно, финикийцы, которые составляли большую часть войска Фала, возбужденные жалобами родосцев или желанием разграбить богатство, которое привезли с собой, побивают его камнями, раздают упомянутым городам золото, а остальное делят между собой.

5. Между тем, в войске, которое пришло с Мемноном и разбило лагерь на открытом месте (вместить такое множество народа в пределах стен было трудно), разные народы упражнялись каждый на свой лад. Ведь даже один и тот же вид оружия не был совсем одинаковым, а отвечал нраву и привычкам каждой местности; так, в разных краях копы были выкованы иначе, а разнообразие щитов и шлемов создавало устрашающий образ войны. И вот, спустя несколько дней, когда воины жаждали битвы, на рассвете все войско по данному знаку выводят для сражения и вместе с ним – троянцы и находившиеся в городе союзники. Построенные против них греки выжидают подходящее время, несколько смущенные в душе страхом перед многочисленным и неведомым врагом. Но вот, когда сошлись на расстояние броска копья, варвары со страшным и разногласым криком обрушиваются, подобно обвалу, а наши, сплотив ряды, достаточно стойко сдерживают натиск врагов. После же того, как ряды перестраиваются в новом порядке и отовсюду начинают метать копы, погибает много народу из каждого войска,

¹ Турма – отряд из 30–32 всадников в римской кавалерии.

² Щадя их пол. – В этом бестолковом описании сражения с амазонками остается не ясным, кого убивали греки до сих пор, одних только союзников амазонок? И как они отличали в бою женщин, одетых в доспехи, от мужчин? Благородство греков представляется особенно невероятным в свете последующей расправы с Пенфесилеей.

³ Поединок Ахилла с Пенфесилеей описывался уже в «Эфиопиде», но там он излагался без подробностей в отношении остальных ахейцев, присочиненных Диктисом. Похоронили же Пенфесилею троянцы. Ср. *Аполлод.* Эпит. V. 1.

⁴ Горы Кавказ. – Каким образом индусы и эфиопы оказались обитателями Кавказа, осталось тайной Диктиса: надо думать, что в его время место жительства этих народов уже было достаточно хорошо известно.

⁵ Незадолго до этого. – По версии самого же Диктиса (I. 5), Александр разорил Сидон по пути с Еленой из Спарты, т.е. за 10 лет до описываемых здесь событий.

и битва не прекращается до тех пор, пока Мемнон на колеснице не врывается на полном ходу в середину греков, опрокидывая и раяя каждого, кто попадает на навстречу. Когда много наших погибло, удача отвернулась и не оставалось никакой надежды на спасение, кроме бегства, вожди признают победу Мемнона. В этот день были бы сожжены и уничтожены все корабли, если бы ночь, убежище терпящих бедствие, не помешала наступающим врагам в их намерении. Столько было в Мемноне силы, опыта и возможностей одолеть наших!

6. Итак, греки, разбитые и подавленные, воспользовавшись передышкой, всю ночь хоронили тех, кого потеряли в сражении. Затем они сходятся на совет относительно будущего поединка с Мемноном; решают, чтобы жребий назвал имя вождя, который бы сразился с ним. Здесь Агамемнон исключает Менелая, Улисса, Идомея; из оставшихся жребий по общему согласию выбирает Аякса Теламонова⁶. Итак, подкрепившись едой, наши спокойно проводят оставшуюся часть ночи⁷. С рассветом они, вооружившись и построившись, выходят на дело. Не ленится и Мемнон, а с ним и все троянцы. Так, построенное и там и здесь войско вступает в сражение. Многие с обеих сторон, как всегда в таком единоборстве, погибают или, тяжелораненные, выходят из боя. В этой битве Мемнон убивает оказавшегося против него Антилоха, сына Нестора⁸. Вскоре Аякс, выбрав удобное время и выступив между обоими войсками, вызывает Мемнона, предупредив заранее Улисса и Идомея, чтобы оборонялись от остальных. Мемнон, увидев, что Аякс стремится к нему, соскакивает с колесницы и сражается пешим; с обеих сторон следят со страхом и ожиданием, когда наш вождь со всей силой бросает копьё в центр его щита, почти пронзает его и, навалившись всей тяжестью, всеми силами направляет копьё в бок. Увидев это, сбегаются соратники царя, стремясь отогнать Аякса. Тогда Ахилл, видя вмешательство варваров, выступает против них и пронзает копьем горло врага, оставшегося без щита⁹.

7. Так, вопреки ожиданию, после гибели Мемнона состояние духа у врагов меняется, а у греков возрастает уверенность в себе, и уже наши, наступая на обратившихся всяпять эфиопов, многих убивают. Тогда Аякс поражает ударом в пах Полидаманта, стремящегося возобновить сражение и окруженного нашими, Агамемнон ударом копья сражает Главка, сына Антенора, наступающего на Диомеда. Видно было, как в одном месте эфиопы с троянцами, бегущие во множестве по полю в спешке и замешательстве, без всякого порядка и не слушаясь приказа, разбредаясь, падают на землю и попадают под копыта конницы, в другом – как греки в новом порыве духа преследуют, убивают, рассеивают попавших в трудное положение и, обессиленных, уничтожают. Поле возле городских стен в избытке напитывается кровью, и везде, где ступил враг, полно оружия и трупов. В этой битве из сыновей Приама были убиты Улиссом Арет и Эхеммон, Идомеяем – Дриоп, Биант и †Хорифан†, Аяксом Оилеевым – Илиней с Филенором, а также Диомедом – Фиест и Телест, другим Аяксом – Антиф, Агав, Агафон и Главк, Ахиллом – Астеропей¹⁰. И был положен конец истреблению не прежде, чем греков, наконец, охватило утомление и пресыщение.

8. Когда наши вернулись в лагерь, пришли послы от троянцев с просьбой разрешить похоронить убитых в сражении. Собрав своих, все предадут их огню и погребают по отеческому обряду; отдельно от других сжигают Мемнона и останки его, заключенные в урну, отправляют через родственников царя на родину¹¹. Греки, со своей стороны, омыв тело Антилоха и свершив должным образом обряд, передают его Нестору и просят мужественно перенести

⁶ Процедура эта в изображении Диктиса остается весьма неясной: если по общему согласию, то речь должна идти не о жребии, а о тайном голосовании. Непонятно также, почему Диктис исключает *Одиссея* и *Идомея* из числа возможных противников Мемнона, если речь идет о жребии?

⁷ Опять противоречие: если всю ночь хоронили убитых, то какая же часть греков осталась для отдыха?

⁸ Согласно традиции, Антилох поспешил на выручку своего отца и спас его, но сам погиб от руки Мемнона, сраженного впоследствии Ахиллом. Об этом сообщалось уже в «Эфиопиде». См. *Аполлод.* Эпит. V. 3.

⁹ Диктис плохо представляет себе характер сражения. Если Аякс вонзил копьё, пробившее щит, в бок героя, то оно, по-видимому, так и осталось в нем. С другой стороны, автор переносит сюда описание смертельного удара, который в «Илиаде» (XXII. 319–327) Ахилл наносит Гектору, но как раз выбрав место, не защищенное доспехом.

¹⁰ Из упоминаемых здесь сыновей Приама у Гомера и Аполлодора (III. 12. 5) отсутствуют Агав и Филенор (последний был уже один раз убит, см. выше, III. 7), а имена Астеропей, Главк, Илиней, Телест и Фиест либо не представлены у одного из них, либо принадлежат другим персонажам, а не сыновьям Приама. Под *испорченным именем* †Хорифан† имелся в виду, может быть, Кориф, который был сыном Александра.

¹¹ Согласно традиции, тело Мемнона было отдано его матери Авроре, которая похоронила его в Египте.

случившееся. Так, позаботившись о погибших, ночь напролет славят на пиру и перевозносят хвалами до небес Аякса вместе с Ахиллом. А Троию, когда люди отошли от похорон, охватили не только скорбь по Мемнону, но страх перед окончательным поражением и отчаяние, потому что после гибели Сарпедона и вслед за ним гибели Гектора была утеряна значительная доля надежды, а теперь, когда судьба обрушилась на Мемнона, надежды почти совсем не оставалось. Несчастий скопилось столь много, что пропало всякое стремление вновь одержать верх.

9. Несколько дней спустя греки, вооружившись, вышли в поле, вызывая на бой троянцев, если они отважатся. Их вождь Александр вместе с остальными братьями строит войско и устремляется навстречу. Но прежде чем рядам сразиться между собой или начать метать копьё, варвары, расстроив боевой порядок, обращаются в бегство. Многие из них были убиты или сброшены в реку, так как со всех сторон наступал враг и повсюду был отрезан путь к бегству. Захвачены были также сыновья Приама Ликаон и Троил¹², которых Ахилл велит вывести на середину и казнить, негодуя, что до сих пор не получил от Приама известия по поводу того, о чем тот с ним говорил¹³. Увидев это, троянцы поднимают вопль и горестно оплакивают участь Троила, сокрушаясь о его юношеском возрасте и вспоминая, как он, любимый с детских лет народом, выделялся почтительностью, скромностью и особенно красотой.

10. Затем по прошествии нескольких дней наступили праздник Фимбрейского Аполлона и передышка в войне вследствие заключенного перемирия. Пока с обеих сторон войска совершали жертвоприношения, Приам, дождавшись подходящего времени, посылает к Ахиллу Идею с поручением по поводу Поликсены. Но когда Ахилл в роще, удалившись от остальных, обсуждает с Идеем принесенное предложение, у кораблей это становится известным, у отстраненных вождей возникает подозрение и под конец негодование. Распространившийся ранее слух о предательстве они потихоньку превратили в глазах войска в истину. Поэтому Аякс с Диомедом и Улиссом, чтобы успокоить возбуждение в войске, направляются в рощу и останавливаются перед храмом¹⁴, дожидаясь выхода Ахилла, чтобы сообщить юноше о происходящем и одновременно предостеречь его от ведения тайных переговоров с врагами.

11. Между тем, Александр, уже устроившись с Деифобом в засаде, выходит, опоясавшись кинжалом, к Ахиллу, как будто с целью подтвердить обещание Приама, и тут же, отвернувшись от вождя, становится у алтаря, чтобы враг не заподозрил обмана. Затем Деифоб, дождавшись благоприятного момента, обнимает безоружного юношу (Ахилл не опасался никаких враждебных действий в святилище Аполлона), целует и поздравляет с соглашением, и до тех пор не выпускает его из объятий, пока Александр не подбегает к врагу с обнаженным мечом и дважды пронзает его с обеих сторон. И когда они видят, что Ахилл совсем ослабел от нанесенных ему ран, выскакивают со стороны, противоположной той, с которой вошли, и возвращаются бегом в город, совершив таким образом, вопреки ожиданиям, величайшее зло. Заметив их, Улисс: «Не напрасно, – говорит, – они вдруг высочили оттуда в волнении и страхе». Затем, войдя в рощу и осматривая все вокруг, видят простертого на земле едва живого и в крови Ахилла. Тогда Аякс молвил: «Верно полагали, что нет никого на свете, кто мог бы превзойти тебя истинной доблестью, но, как видно, сгубило тебя собственное безрассудство». Тогда Ахилл, в котором еще удерживалась душа: «Обманом и коварством, – говорит, – обошли меня Деифоб с Александром из-за Поликсены». Тут вожди, обняв с громким воплем и целуя умирающего, говорят ему последнее «прости». Наконец, Аякс, взвалив его на плечи, выносит из рощи¹⁵.

12. Увидев это, троянцы скопом вырываются из ворот, норовя выхватить Ахилла и унести внутрь стен, – разумеется, чтобы по своему обычаю с ликованием надругаться над телом. Поняв, в чем дело, греки, схватив оружие, устремляются против них и постепенно выводят все войско, так что вскоре с обеих сторон разгорелось сражение. Аякс, передав тело Ахилла

¹² Судьба Ликаона и Троила представлена в традиции совсем иначе: о Ликаоне см. Ил. XXI. 34–119; о Троиле – Верг. Эн. I. 474–478; Аполлод. Эпит. III. 32.

¹³ О чем говорил. – По-видимому, о Поликсене (III. 27).

¹⁴ Перед храмом. – Это указание, судя по греческому оригиналу, привнесено Септимием напрасно: убийство Ахилла происходило явно в роще. Александр с Деифобом ожидают Ахилла в засаде, для которой трудно найти место в храме; греческие вожди ищут его повсюду, в о й д я в р о щ у.

¹⁵ Согласно традиции, Ахилл был убит в бою у Скейских ворот Аполлоном и Парисом или одним из них: Ил. XIX. 410–417; XXI. 358–360; Овид. Метам. XII. 597–611; Гиг. 107. Поздняя версия об убийстве Ахилла во время переговоров о браке с Поликсеной, принятая Диктисом, нашла отражение у Гигина (110), Филострата (Гер. 51. 1–2). Дарета Фригийского (34), в схолиях к Вергилию и Стацию. Она возникла, вероятно, как закономерное завершение их «романа» (см. выше, III. 2. 20. 27).

сопровождаящим и напад на Диманта, брата Гекубы, который встретился ему первым, убивает его. Затем он порождает всех в пределах броска копья, и в их числе Наста и Амфимаха, предводителей карийцев. И вот уже присоединившиеся к нему вожди Аякс Оилеев и Сфенел рассеивают и вынуждают к бегству врагов. Поэтому троянцы, потеряв многих, в беспорядке и без всякой надежды на сопротивление в суматохе рвутся к воротам, не веря в спасение, кроме как за стенами. Наши, преследуя их, убивают множество врагов.

13. Когда же троянцы запирают ворота и прекращают бойню, греки относят Ахилла к кораблям¹⁶. В то время как вожди оплакивают участь столь славного мужа, многие в войске им не сочувствуют и не предаются печали, как требовали обстоятельства, ибо бродила в умах мысль, будто Ахилл вместе с врагами вынашивал план как предать войско. В остальном, с его гибелью война лишилась смысла и потерялась надежда, коль скоро мужа, выдающегося в военном деле, могла настичь не почетная смерть, а не иначе, как в потемках. Спешно привозят с Иды огромное количество леса и сооружают костер на том же месте, где раньше сооружали для Патрокла. Затем, возложив тело и поднеся огонь, совершают, как должно, похороны; особенно усердствовал в этом Аякс, который в течение трех суток нес стражу у пепелища, пока собирали останки. Ведь он единственный был потрясен гибелью Ахилла больше, чем это положено мужу, поскольку с особым рвением почитал его и выделял среди всех – как ближайшего друга, кровного родственника и в особенности как намного превосходившего доблестью остальных.

14. В Трое же, напротив, всех охватили радость и торжество из-за гибели врага, которого опасались больше всего; они возносят к небесам хвалу поступку Александра, – разумеется, потому, что он коварством достиг того, на что никто не отважился в бою. Между тем, к Приаму приходит известие, что из Мизии идет сын Телефа Еврипил, которого царь раньше привлекал многими дарами, а под конец твердо пообещал выдать за него замуж Кассандру. А к прочим замечательным дарам, которые он ему послал, добавил виноградную гроздь из золота, достойную восхищения. В остальном Еврипил, известный многим доблестью и явившийся во главе мизийских и кетейских¹⁷ легионов, с величайшей радостью был принят троянцами, и варвары укрепились в своих надеждах.

15. Между тем, греки погребли останки Ахилла, заключенные в урну и соединенные с прахом Патрокла, у Сигея. Воздвигнуть им гробницу Аякс нанимает местных жителей, негодую на греков, у которых он не заметил проявлений горя в связи с потерей героя. В то же самое время Пирр, которого называли Неоптолемом, сын Ахилла от Деидами, дочери Ликомеда, подходя к Трое¹⁸, случайно наталкивается на гробницу, по большей части уже построенную. Расспросив об обстоятельствах смерти отца, заявляет, что мирмидонцы принадлежат племени, прославленному военными деяниями, силой оружия и силой духа. Поручив распоряжаться делами Фенику¹⁹, Неоптолем направляется к кораблям и палатке отца. Здесь он видит Гипподамию, стерегущую отцовское добро. Скоро прибытие его становится известным, и все вожди собираются там же; они просят его сохранять присутствие духа. Он с благодарностью им отвечает, что ему известно, – все, происходящее по божественной воле, следует сносить мужественно, и никому не отпущено жить сверх положенного судьбой срока; храбрым позорна и ненавистна старость, приятная слабым. Горе его облегчается тем, что Ахилл погиб не в единоборстве и не в бою при свете дня и что никто не затмит его отвагой ни теперь, ни в прошлом, за исключением лишь Геркулеса²⁰. Он добавляет, что в настоящее время славы заслуживает тот, от чьей руки должно погибнуть Трое; он согласен, что отец оставил это дело незавершенным и довести все до конца предстоит ему и собравшимся.

16. По окончании его речи на следующий день объявляется сражение. Когда наступило подходящее время, все вожди по обычаю собираются к Агамемнону на пир, среди них Аякс с

¹⁶ *Относят к кораблям.* – Не ясно, почему они не сделали этого раньше, если Аякс специально передал тело Ахилла Улиссу и Диомеду.

¹⁷ *Кетейцы* – другое название мизийцев или одного из их племен; здесь, скорее всего, имеется в виду последнее. Ср. Од. XI. 521; *Страб.* XIII. 1, 69: кто такие кетейцы, – не ясно.

¹⁸ Согласно традиции, за *Неоптолемом* было отправлено посольство, так как Гелен, взятый в плен уже после гибели Александра, предсказал грекам, что Троя не будет взята без участия сына Ахилла. См.: Од. XI. 506–509; *Софокл.* Филокт. 343–356; *Аполлод.* Эпит. V. 11.

¹⁹ *Поручив Фенику.* – Непонятно, где Неоптолем застал Феника, для которого наиболее подходящим местом была бы палатка Ахилла.

²⁰ *За исключением Геркулеса.* – По-видимому, имеется в виду, что никем не побежденный в бою навеки Ахилл будет считаться образцом храбрости, уступая в славе только Геркулесу.

Неоптолемом, Доимед, Улисс и Менелай, и на пиру все занимают одинаковое место²¹. Юноше перечисляют на пиру храбрые деяния его отца и вспоминают, вознося хвалу, о его доблести. Немало вдохновленный этим и горящий стремлением к подвигам, Пирр отвечает, что приложит все силы для того, чтобы быть достойным отцовских заслуг. Затем все расходится на покой по своим палаткам. А на следующий день юноша, выйдя на рассвете из лагеря, встречает Доимеда с Улиссом и, приветствуя их, спрашивает, что у них за дело; те отвечают, что его воинам, которые утомились от долгого пути по морю²², следует набраться сил, иначе они не смогут воевать с достаточным упорством.

17. По их совету делается двухдневный перерыв, после которого все вожди и цари, отдав распоряжения войскам, строят их в боевой порядок и начинают битву. Среди них Неоптолем в качестве царя становится в центре мирмидонян, а рядом ставит Аякса, которого он по долгу родства почитал как отца. Между тем, и троянцы приходят в сильное волнение, главным образом, потому, что при сокращении со дня на день их вспомогательных отрядов явилось к ним новое войско с достойным упоминания вождем. Тогда, побуждаемые Еврипилом, берутся за оружие; он же, соединив свое войско с царским троянским, выводит его за ворота и располагает в боевом порядке, занимая середину. Тут Эней впервые, когда все готово к бою, остается внутри ворот, проклиная преступление Александра, совершенное против Аполлона, чье святилище он особенно чтит. После сигнала к битве обе стороны с ожесточением скрещивают оружие, и в сражении многие погибают. Между тем, Еврипил, оказавшись лицом к лицу с Пенелеем, пронзает его, повалив ударом копья; затем, напав с еще большей свирепостью на Нирея, и его убивает. И вот уже приведя в замешательство стоявший перед ним строй, нападает на центр, когда Неоптолем, поняв положение дел, тотчас устремляется на врага, совлекает его с колесницы, сам спрыгивает на землю и поражает Еврипила решительным ударом меча²³. Тело его спешно забирают и по приказу Неоптолема относят к кораблям. Когда это увидели варвары, у которых вся надежда была на Еврипила, они в полном беспорядке и без предводителя бегут, покидая сражение, и устремляются к воротам; многих из них убивают при бегстве.

18. Итак, разбив врагов, греки вернулись к кораблям и, по общему согласию, предав огню Еврипила и сложив останки в урну, отсылают отцу, памятуя, разумеется, о его благодеяниях и дружбе²⁴. Сожгли они также Нирея и Пенелея, каждого отдельно. На следующий день через Хриса становится известно, что сын Приама Гелен из-за преступления Александра бежал из Трои и находится в храме Аполлона²⁵. Поэтому тотчас послали за ним Доимеда и Улисса, которым он сдался, предварительно выпросив часть какой-нибудь области, где он мог бы, удалившись, провести остаток жизни. Затем его отводят к кораблям и принимают в совете, после того как он долго говорил о том, что покинул родину и родителей не из страха перед смертью, но вынужденный отступничеством от нее богов: осквернения их святынь Александром не смогли вынести ни он, ни Эней, который, боясь гнева греков, скрывается со стариком-отцом у Антенора. Узнав из прорицания о бедах, грозящих Трое, он, Гелен, перебежал в качестве просителя к грекам. Так как наши торопились разведать эти тайны, Хрис знаком показывает, чтобы хранили молчание, и уводит с собой Гелена. Наученный им, сообщает грекам все, что услышал, и кроме того добавляет, что наступит время падения Трои, причем с помощью Энея и Антенора. Тогда, вспомнив о том, что предсказывал Калхант²⁶, они приходят к выводу, что все совпадает.

19. Затем на следующий день оба войска вступают в сражение, и из троянцев многие гибнут, но большая часть – из союзников. Так как наши наступают более решительно, желая в душе всеми силами закончить войну, по сигналу вождь сходится с вождем и вступают в схватку между собой. Тут Филоктет, выступив против Александра, вызывает его, если тот осмелится, на

²¹ *Одинаковое место*. – Непонятно, что хотел сказать этим Диктис.

²² *От долгого пути по морю*. – Пирр прибыл (был доставлен) с о-ва Скироса один; мирмидонские воины, пришедшие с Ахиллом, после его смерти оставались под Троей и никаких морских путешествий не совершали.

²³ О поединке Неоптолема с Еврипилом см. Од. XI. 516–521.

²⁴ Ср. II. 7, 10, 12.

²⁵ В греческом оригинале: ἐν τῷ ἁ]πόλλωνος ἱερ[ῶ], что больше соответствует «святилищу», чем храму. См. прим. 14. Согласно традиции, Гелен бежал из Трои на гору Иду, оскорбленный тем, что Елену после смерти Александра отдали не ему, а Деифобу: *Конон*. 34; *Аполлод*. Эпит. V. 9.

²⁶ Никаких предсказаний Калханта о ходе войны в «Дневнике» нет. Возможно, Диктис имеет в виду известное из традиции прорицание, что Троя будет взята на десятом году войны, хотя участие в этом Энея и Антенора отнюдь не предусматривалось.

единоборство с применением лука. С согласия обеих сторон Улисс и Деифоб определяют расстояние для состязания. Итак, Александр, стреляя первым, понапрасну теряет стрелу; вслед затем Филоктет пронзает врагу левую руку и, вопящему от боли, попадает в правый глаз; когда же тот пускается в бегство, третьей стрелой пронзает обе ноги сразу и, в конце концов, убивает обессилевшего врага, поскольку Филоктет использовал пропитанные кровью Гидры стрелы Геркулеса, – вонзаясь, они приносили смерть²⁷.

20. Увидев это, троянцы наваливаются со страшной силой, стремясь вырвать Александра, и, хотя Филоктет многих убивает, все-таки доводят дело до конца и уносят тело в город. Лишь Аякс Теламонов преследует бегущих, гонит их до самых ворот, где нашли свою смерть большинство врагов, поскольку спешили укрыться, а часть их – прорваться вперед, и, таким образом, их скопление послужило причиной их задержки у самого входа. Между тем, многие из тех, кто раньше вышел из боя, разместившись на стенах, бросали собранные отовсюду камни на щит Аякса и сверх того сыпали несенную в большие кучи землю, – разумеется, чтобы отразить натиск врага²⁸. Когда прославленному вождю становилось нестерпимо от тяжести, он стращивал землю со щита и продолжал наступать не менее решительно. Наконец, Филоктет издал прогоняет стрелами разместившихся на стенах и многих убивает. Также и остальные греки совершали подвиги в других частях поля²⁹, и в этот день были бы разрушены вражеские стены, если бы наступившая ночь не заставила наших отказаться от этого намерения. Они отступают к кораблям, вдохновляясь деяниями Филоктета и проникаясь твердостью духа, прославляют вождя наивысшими похвалами и одобрением. На рассвете он, соединившись с остальными вождями, выступил на поле и до того нагнал страха на врагов, что их едва защищали стены.

21. Между тем Неоптолем, после того как месть настигла виновника гибели его отца, начинает оплакивание у могилы Ахилла, вместе с Феником и войском мирмидонян возлагает пряди волос на гробницу и проводит ночи на этом месте. В то же время сыновья Антимаха, о котором упоминалось выше, связанные обстоятельствами с Приамом, приходят к Гелену и умоляют его восстановить дружбу со своими. Когда они, ничего не добившись, возвращаются к своим, посредине обратного пути встречают Диомеда с Аяксом. Те захватывают их и отводят к кораблям; здесь они объясняют, кто они такие и по какому делу пришли. Тогда вожди, вспомнив их отца и то, что он говорил послам и замыслил против них³⁰, велют передать их народу и вывести на обозрение варварам, а затем побить камнями. Между тем, родственники выносят тело Александра для погребения через другие ворота³¹ к Эноне, которая была за ним замужем до похищения Елены. Говорят, однако, что Энона, увидев труп Александра, была до того потрясена, что оцепенела, потеряв рассудок, и умерла от горя, постепенно слабея духом³². Стало быть, ее и Александра скрывает одна могила.

22. В остальном, троянские предводители поднимают восстание против Приама и его царевичей, так как жестокий враг все больше свирепствует перед стенами, а у них самих нет ни надежды, ни сил для защиты. Наконец, Эней и привлеченные им сыновья Антенора решают вернуть Елену Менелаю со всем, унесенным вместе с нею. Узнав об этом, Деифоб уводит к себе Елену и женится на ней. Впрочем, Приам, придя в совет, где Энеем было высказано много оскорбительного, наконец, по решению совета велит Антенору пойти к грекам с поручением вести переговоры о прекращении войны. Тот со стен подает знак о приходе посольства и, когда наши отвечают согласием, идет к кораблям. Там его радушно приветствуют и принимают с величайшим доверием из-за благожелательного отношения к Греции, свидетельство чего он получает главным образом от Нестора за то, что советом и с помощью сыновей спас Менелая

²⁷ *Приносили смерть*. – Владея отравленной стрелой Геркулеса, вовсе не требуется увечить противника подобно тому, как поступает с Александром Филоктет.

²⁸ По-видимому, Диктис представлял себе эту сцену таким образом, что Аякс действовал у стены, держа щит над головой.

²⁹ Не ясно, с кем продолжали сражаться *остальные греки*, если троянцы уже обратились в бегство.

³⁰ Ср. II. 23–24. К Антимаху, наиболее решительно сопротивлявшемуся выдаче Елены, греки относились с особой враждебностью. Ср. Ил. XI. 122–147 – отметим ту лишь разницу, что здесь его сыновья гибнут в бою от руки Агамемнона.

³¹ *Через другие ворота*. – Переведено по конъектуре *per portam aliam* вместо сохранившегося во всех рукописях, но не имеющего никакого смысла чтения *per partem portae* «через другую часть ворот».

³² Согласно традиции, за Эноной послали, когда Парис был ранен стрелой Филоктета, в надежде, что она сумеет отвратить его смерть. Энона из ревности отказалась прийти, а когда она изменила свое решение, было уже поздно: Александр умер. От горя Энона покончила с собой. См. *Овид.* Гер. V; *Парф.* О люб. стр. 4; *Конон.* 23; *Аполлод.* III. 12, 6.

от засады³³, устроенной троянцами; за это ему обещают великую славу, когда Троя будет повержена, и побуждают совершить нечто достойное памяти друзей против вероломных. В ответ Антенор говорит, что дурные решения старейшин Трои постоянно приводят к божественному наказанию. К этому он прибавляет известное коварство Лаомедонта в отношении Геркулеса и последовавшее затем падение его царства³⁴. В то время еще малолетний Приам, не разбирающийся в происходящем, по просьбе Гесионы был поставлен на царство. Но вступив на престол, уже тогда неплохо соображая, он привык преследовать всех кровавыми расправами и злодеяниями, испытывая жадность к своему и домогаясь чужого, а сыновья, впитав пример отца, как наихудшую заразу, не воздерживались ни от священного, ни от светского добра. Сам же Антенор всегда отличался от Приама образом мыслей, поскольку оба связаны с греками, происходя от одного корня. Ведь дочь Даная Гесиона родила Электру, а родившийся от нее Дардан, соединившись с Олизоной³⁵, дочерью Финея, произвел Эрихфония; его сын – Трос, от того – Ил, Ганимед и Клеоместра, от Клеоместры – Ассарак, а его сын – Капис, отец Анхиса. Ил породил Тифона и Лаомедонта, от Лаомедонта родились Гикетаон, Клигий, Ламп, Фиомоев, Буколион и Приам, а сам Антенор, в свою очередь, родился от Клеоместры и Эсиета³⁶. Впрочем, Приам, попирая права родства, стал заходить все дальше в высокомерия и ненависти к своим. Окончив речь, Антенор, как отправленный старейшинами послом о мире, требует, чтобы греки выделили людей, с которыми он мог бы обсудить столь важное дело. И были выбраны Агамемнон, Идомей, Улисс и Диомед, которые в тайне от других замышляют измену³⁷. Кроме того, решают выделить Энею, если он пожелает сохранить им верность, часть добычи и оставить невредимым весь его дом, самому же Антенору уступить половину богатств Приама, а царство – одному из его сыновей, кого он выберет. Когда решили, что достаточно все обсудили, отпускают Антенора домой доложить своим нечто совсем другое, сочиненное ими, – что греки готовят-де дар Минерве и дружески желают, заполучив Елену и золото, прекратить войну и вернуться домой. Так, уладив дело, Антенор приходит в Трою в сопровождении Талфибия, чтобы его присутствие придало доверие рассказу.

³³ Ср. I. 11–12; II. 24.

³⁴ О коварстве Лаомедонта см.: Ил. V. 640–651; Овид. Мет. XI. 211–215; Диод. Сиц. IV. 42.

³⁵ См. выше, III. 5 и прим.

³⁶ С хронологией здесь не все в порядке: правнук Клеоместры Анхис и ее сын Антенор оказываются принадлежащими к одному поколению.

³⁷ Замышляют измену по отношению к троянцам при посредстве Антенора.